

Е. Д. КУКУШКИНА

ПОЭЗИЯ М. М. ХЕРАСКОВА. ПОИСКИ СМЫСЛА ЖИЗНИ

О жизни я помыслил тленной,
И что мы значим во Вселенной ...
М М Херасков

Вопрос о смысле жизни, о значении личного бытия во вселенском масштабе, ставший предметом пристального внимания русской философии и литературы в XIX веке, возник в общественном сознании XVIII столетия, мучительно переживавшем свои нравственные болезни. Человек Древней Руси, по-видимому, не задавался вопросом о смысле жизни, так как не выходил в представлениях о себе за пределы христианских категорий (грешника, праведника) или социальных ролей. Жизнь казалась кратким мигом, а смерть — естественным переходом из временного бытия в вечность.¹ В Псалтыри говорится: «Дни человека, как трава. ..» (102: 15). Тот же тезис повторялся в духовных стихах:

Человек живет на земли, как трава растет;
Всяка слава человека — яко цвет цветет.
С вечеру человек в беседе здрав и весел сидит:
А по утру человек той уже в гробе лежит.²

В популярных в древнерусской рукописной традиции «Стихах покаянных» и переведенном в XV веке с немецкого языка «Прении живота со смертию» говорилось о бренности бытия и о смерти, которая «ждется с сладостью и преемлетя с радостью» как путь к спасению.³ Размышления о том, что спасение уготовано не каждому человеку, а только тому, кто заслужил его, легли в основу полемики о средствах спасения, начатой Симеоном Полоцким и Аввакумом.⁴ В начале XVIII века споры о формах благочестия, о том, дела человека или его вера гарантируют душе вечную

¹ Чумакова Т В Смерть и бессмертие в древнерусской культуре // Философский век Альманах 10 Философия как судьба Российский философ как социокультурный тип СПб, 1999 С 256–265

² Безсопов П А Калѣки перехожие Сборник стихов и исследований М, 1863 Вып VI С 319–320

³ Повести о споре жизни и смерти / Иссл и подгот текстов Р П Дмитриевой М, Л, 1964 С 8

⁴ Панченко А М О смене писательского типа в Петровскую эпоху // Проблемы литературного развития в России первой трети XVIII века Л, 1974 XVIII век Сб 9 С 112–128

жизнь, велась на страницах фундаментальных сочинений Стефана Яворского и Феофана Прокоповича.⁵

Петровские реформы и усилившееся западное влияние привели к утверждению в обществе идеала «практической полезности», которому стали подчиняться все сферы жизни, включая эстетику и мораль: «„Табель о рангах“ заменяет и символ веры и самое мировоззрение».⁶ Мирские интересы начинают главенствовать в обществе. Идея «Святой Руси» сменяется идеей «Великой Руси».

«Вольтеррианство» привнесло в общественные настроения новые черты: ироничность, скептицизм в отношении к религии, осмеяние суеверий, критику общественного строя. Новая национальная идеология получает теоретическое обоснование. Так, например, исходя из популярной в XVIII веке доктрины «естественного человека», В. Н. Татищев в трактате «Разговор дву приятелей о пользе наук и училищ», написанном в 1733 году и распространявшемся в списках, утверждал, что желание мирского благополучия «вкоренено» в человеке Богом. По-видимому, усвоив идеи С. Пуфендорфа, Татищев противопоставлял «естественные» законы, управляющие поведением людей, как божественные по своему происхождению, церковным законам.⁷

Новое мировоззрение выполняло важную миссию. Оно способствовало росту гражданской инициативы, развитию личных качеств человека, осознанию им собственного «я». В то же время оно оправдывало культ наслаждений, неразборчивость в средствах ради достижения успехов в мирской жизни, неуклонно вело к «повреждению нравов».

Стремление преодолеть раздвоенность, разорванность бытия, духовную опустошенность, возникшую потому, что Церковь перестала отвечать религиозным потребностям личности, способствовало распространению масонства в России. В масонской литературе, переводной и оригинальной, «явственно выступает основная религиозно-философская тема — учение о сокровенной жизни в человеке, о сокровенном смысле жизни вообще».⁸ Наиболее выразительно, хотя и противоречиво, поиски смысла жизни воплотились в поэзии М. М. Хераскова.

Херасков вступил в общество масонов в 1775 году, но проникся их идеями значительно раньше. Об этом свидетельствуют его поэтические опыты 1760-х годов. В них содержатся те мысли, которые в 1770–1780-е годы будут развиты теоретиками масонства в многочисленных трактатах и в первом русском масонском журнале «Магазин свободнокаменщикий».

«Херасков Михаил есть первый наш писатель в философических одах», — заметил Евгений Болховитинов.⁹ Русская философия при ее возникновении питалась из двух источников — «из недр религиозного миро-

⁵ Григоренко А. Ю. Проблема спасения души в русской духовной культуре XV–XVIII веков // Философский век Альманах 10 СПб, 1999 С 68–69

⁶ Протоиерей Георгий Флоровский Пути русского богословия 3-е изд Paris, 1983 С 114

⁷ Зеньковский В. В. История русской философии Л, 1991 Т 1 Ч 1 С 92

⁸ Там же С 107

⁹ Державин Г. Р. Соч, с объяснит примеч Я. К. Грота СПб, 1872 Т VII С 618

воззрения» и от напряженной философской жизни Западной Европы.¹⁰ Херасков, опираясь на христианское вероучение, облакает в поэтическую форму «моральную философию», традиция которой восходила к М. Монтеню, а затем была продолжена писателями-моралистами (П. Шаррон, Ф. Ларошфуко, Ж. Лабрюйер), религиозными мыслителями (А. Арно, П. Николь), философами (Ф. Бэкон, Б. Спиноза, Г. В. Лейбниц, К. Гельвеций, Б. Паскаль). Для философии такого рода характерны «внимание к движущим силам, мотивам и скрытым пружинам человеческого поведения, условиям человеческого существования вообще, достоинству человека, его назначению на земле, жизни и смерти, счастью и высшему благу людей».¹¹

Одним из первых литературных опытов Хераскова стал перевод небольшой поэмы Вольтера «Почерпнутые мысли из Екклесиаста» (М., 1765). В предисловии к нему Херасков писал: «Не покидая следов мудраго пророка, заимствовал я нечто от подражателя его, многое переменял и, что с нашим писанием нашел несходное, отставил». Это был вольный перевод в отношении тех вопросов, которые особенно волновали Хераскова. Он смягчил религиозный скептицизм Вольтера, опустил отдельные строфы, в которых звучали эпикурейские мотивы. Позднее Херасков неоднократно обращался к своему переводу, работал над его языком.¹² В 1779 году поэма была напечатана вторым, в 1786 году — третьим изданием, а затем включена Херасковым в VII том «Творений» (1796–1803), куда вошли произведения, прошедшие строгий авторский отбор. Перевод открывает этот том, как бы задавая интонацию для всего сборника. Заметим, что в 1796 году поэму Вольтера перевел Н. М. Карамзин. Впоследствии он также начинал этим переводом собрания своих стихотворений.

Екклесиаст — книга, автор которой «смотрит в лицо смерти».¹³ В ней утверждается, что земная жизнь с ее радостями и страданиями, успехами и неудачами, почетом и бесчестьем — все это «суета сует», бессмыслица, что личные заслуги человека не имеют никакого значения, ибо «время и случай» (Екк. 9 : 11) управляют ходом событий. «Участь сынов человеческих и участь животных — участь одна» — смерть (Екк. 3 : 19), а потому следует «есть и пить и наслаждаться добрым во всех трудах своих» (Екк. 5 : 17).

Екклесиаст — самая мрачная из библейских книг. Она лишена знания о бессмертии души и, значит, лишена надежды. Но Херасков не случайно обратился к этому тексту. Осознание хаоса и видимой бессмыслицы в окружающей действительности свидетельствует, что существует какая-то точка опоры вне этого порочного круга, являясь отправной точкой для размышлений над вопросом: «Для чего мы живем здесь, под солнцем?»

Утверждения Екклесиаста носят обобщенный характер. Вольтер в своей поэме, а вслед за ним и Херасков придали им личную форму. Это раз-

¹⁰ Зельковский В. В. История русской философии. С. 11, 13.

¹¹ Стрельцова Г. Я. Паскаль и европейская культура. М., 1994. С. 213.

¹² Заборов П. Р. Русская литература и Вольтер. XVIII—первая треть XIX века. Л., 1978. С. 50–51.

¹³ Крифт Петр. Три толкования жизни: суета, боль, любовь // Мир Библии. 1995/1 (3). С. 19.

мышления старого, усталого человека, для которого «забавы» «кипящей младости» обратились «житейской отравой», а «богатство, слава и чины» только «старость возвестили»¹⁴ В переложении Хераскова появляются нотки раздумий и сомнений, которых нет у Вольтера человек «сомнений полн», «куда идет — не знает» (с 6), но он задумывается о своем месте во времени и пространстве

Известно ли уму
Вселенная начало?
Не сведом никому
Его предел ни мало,
Не знаем, здесь дыша,
Куда пойдет душа (С 9)¹⁵

Христианская вера в бессмертие души, а значит, и в справедливое воздаяние на «том» свете за земные поступки, была поколеблена не только суждениями французских энциклопедистов, но и успехами естествознания Оно позволило увидеть, что жизнь подчиняется строгим биологическим законам, по которым человек рождается, развивается, живет и умирает Английским ученым У Гарвеем еще в 1628 году был открыт круговорот крови в организме В XVII веке было переведено на русский язык сочинение А Везалия «О строении человеческого тела» В XVII веке в Голландии, а в XVIII Москве появились анатомические театры И у Вольтера, и у Хераскова в переложении Екклезиаста возникает описание процесса умирания с физиологическими подробностями

Кипяща кровь во мне простынет и замерзнет
Померкнут очи, мысль притупится моя,
Сосуды в ключевых потоках сокрушатся,
И вкус мой услажден не будет уж ничем
Трепещущ, слаб, согбен, я стану приближаться
Ко прагу вечности (С 10)

Сомнения в бессмертии души, страх смерти, охвативший общество, надолго проникли на страницы литературных произведений Тема смерти много раз возникает в поэзии Г Р Державина Герой «Путешествия из Петербурга в Москву» А Н Радищева Ч так описывает чувства, испытанные им при кораблекрушении «Ужас последнего часа прорободал мою душу, я видел то мгновение, что я существовать перестану Но что я буду? Не знаю Страшная неизвестность Теперь чувствую час бьет, я мертв, движения, жизнь, чувство, мысль — все исчезнет мгновенно Вообрази себя, мой друг, на краю гроба, не почувствуешь ли корчущий мраз, лиющийся в твоих жилах, и заременно жизнь пересекающий»¹⁶

В 1762 году Херасков опубликовал свой первый поэтический сборник, назвав его «Новые оды» Книгу составили 28 моралистических стихотвор-

¹⁴ Творения М Хераскова, вновь исправленные и дополненные Ч VII М., (Б г) С 3 Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц

¹⁵ Ср Contes, satires, épîtres, poésies diverses, odes, stances, poésies mêlées, traductions et imitations, par Voltaire Paris, 1842 С 377–383

¹⁶ Радищев А Н Путешествие из Петербурга в Москву Вольность СПб., 1992 С 15

рений, написанных без рифм, в основном трехстопным ямбом и четырехстопным хореем. Позднее, включив этот корпус стихов в состав VII тома своих сочинений, Херасков дал ему название «Анакреонтических од». «Новые оды» отличались от произведений этого жанра своим содержанием. Перед читателями предстала лира «в новом уборе», воспевающая «простые чувства». В стихотворном посвящении Е. Р. Дашковой Херасков писал, что «вкус Анакреонта» он мешал со слезами и свою задачу видел в том, чтобы умножить отвращение к порокам и изобразить утешение «честных». Этот сборник вместил наряду с «пастушескими» и анакреонтическими стихотворениями выраженные в поэтической форме размышления о том, в чем заключается благополучие человека, зачем ему дан разум, о добродетели.

В нескольких одах Херасков развивал тему Екклезиаста. В оде «О суетных желаниях» он развернул в сюжетное повествование метафору «корабль в бушующем море». Поэт описывает гибель людей на тонущем корабле. На пороге смерти они осознают суетность прежних забот и клянутся изменить свою жизнь. Но все тщетно, смерть неминуема. Это дает Хераскову повод к нравоучительным размышлениям о слабости человека, который ради корысти, «для сует единых» вверяется морям. Но и сам рассказчик поддается искушению: погнавшись за оленем с золотыми рогами (символ богатства), он едва не гибнет в пасти льва. Моралью этой оды, напоминающей басню, является мысль о том, что не внешние обстоятельства («не ветер и не звери») приводят человека к гибели, а мелкие, суетные желания.

Человеку не дают покоя и страсти, но их нельзя избежать — утверждает Херасков в оде «Суеты мира». Они заставляют человека волноваться так же, как ветер волнует море. Душа человека, по мнению Хераскова, а позднее и других поэтов-масонов, в соответствии с христианскими представлениями является ареной «борьбы, столкновения противоборствующих враждебных сил. Она-то и есть загадочный объект изучения».¹⁷

Херасков осознает, что человек в своей земной жизни не может преречь ее требований. В декабрьском номере журнала «Свободные часы» за 1763 год он опубликовал «Стансы», в которых воспевались деньги, этот материальный символ жизненной суеты и обманчивая гарантия человеческого счастья. Херасков признает: нет на свете человека, который бы «о деньгах не тужил». Они нужны «мальчику и старику, умному и дураку». Деньги смягчают «лютость», они «слабым оборона» и создают «приятство» в обществе. «Деньги, деньги, вопиют, / Честь и разумы дают» — таково мнение общества, признает Херасков. Его скептическое замечание звучит лишь в одной из строф:

Деньги, чаю, вы устали,
Слыша наши похвалы.
Вы не знаете хулы;
Наши Идолы вы стали.¹⁸

¹⁷ Лотман Ю. М. Поэзия 1790–1800-х годов // Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 354.

¹⁸ Свободные часы. 1763. Декабрь. С. 698.

Эта тема, восходящая к библейской «маммоне» (Мф. 6 : 24, Лк. 16 : 13), возникает и в одах, написанных позже. Чем больше богатства обретает человек, тем трагичнее становится его жизнь, считает Херасков. Боясь потерять нажитое, богач «о нем всечасно умирает» («Богатство», с. 325). Деньги не могут дать человеку желаемого счастья. Но человек наделен разумом. Может быть, в нем залог благополучия?

Разум как особое качество человека стоял на первом месте в эстетике и поэтике классицизма, опиравшихся на картезианский рационализм. Ему были посвящены научные трактаты: «Опыт о человеческом разуме» (1690) Дж. Локка, «Новые опыты о человеческом разуме» (1704) Г.-В. Лейбница, «Трактат о началах человеческого знания (1710) Дж. Беркли, «Исследование о человеческом уме» (1748) Д. Юма. Феофан Прокопович считал разум первейшей частью души, которая с помощью совести руководит поступками человека.¹⁹ А. Д. Кантемир в стихотворной сатире «На хулящих учения. К уму своему» (1729) выступил в защиту разума и просвещения.

К середине XVIII века интерес к разуму, его природе и возможностям реализовался в появлении трактатов, в которых оценка разума и его роли в жизни человека и общества существенно усложнились. В России хорошо была известна книга Гельвеция «Об уме» (1758). В 1763 году в журнале «Невинное упражнение» (январь-июнь) был опубликован перевод IX–XIV глав «Третьего рассуждения» трактата «Об уме» под названием «О источнике страстей», выполненный, вероятно, Е. Р. Дашковой.²⁰ Гельвеций отмечал, что разум толкает людей к действиям ради собственных интересов, а результаты этих действий не приносят им желаемого счастья. Серьезные претензии к цивилизации, продукту человеческого ума, высказал Ж.-Ж. Руссо, сформулировав антитезу натура — общество и сделав вывод, что бедствия, которым подвергает человека природа, не столь жестоки, как те, которые люди причиняют друг другу.²¹ Размышления Хераскова питались этими новыми идеями.

Херасков посвятил разуму три оды: «О силе разума», «О вреде, произшедшем от разума», «О разуме». В первой из них он рисует в деталях, близких к книге Иова, картину сотворения мира, конечным актом которого было появление человека. Для того чтобы человек мог противостоять опасностям, подстерегающим его в природе, «натура» наделила его разумом. Но человек, считает Херасков, стал использовать разум не по назначению, он сделался «властолюбивым», подчинил природу своим законам и «прихотям» (с. 234–235). Эта тема получает развитие в оде «О вреде, произшедшем от разума». Как чистый источник может быть замутнен болотной водой, так и разум, по мнению Хераскова, испорчен завистью. Она толкает людей к войнам, и вот уже «брат брата убивает» (с. 241). Разум, который должен служить на пользу человеку, становится источником его бед. На что же «потребен разум» — этот инструмент, используе-

¹⁹ *Валицкая А. П.* Русская эстетика XVIII века. М., 1983. С. 42–44.

²⁰ *Кучеренко Г. С.* Сочинение Гельвеция «Об уме» в переводе Е. Р. Дашковой // XVIII век. Сб. 21. Памяти П. Н. Беркова. СПб., 1999. С. 215–227.

²¹ *Лотман Ю. М.* Руссо и русская культура XVIII—начала XIX века // Лотман Ю. М. Избранные статьи в трех томах. Таллин, 1992. Т. II. С. 45–50.

мый человеком в корыстных целях, — спрашивает Херасков в оде «О разуме». И сам отвечает на этот вопрос. Разум нужен человеку, чтобы «от скотины в сей жизни отменяться / И к Богу возвышаться» (с. 283). Этому может способствовать правильное воспитание, которое даст возможность «расчистить разум», посеять и взрастить добрые «семена» («О воспитании», с. 244). Сравнение человека и животного Херасков продолжил через несколько лет в оде «Сравнение». Животные, по его мнению, обладают преимуществами перед человеком. Они не подвержены суете, лишены честолюбия («не ведают чинов»). «Скоты» несовершенны, так как лишены ума. Человек несовершенен, так как его ум направлен на корысть. Отличают человека от скотов только «добрые дела» (с. 377–379).

Отрицая всемогущество разума в сфере морали, Херасков задается вопросом об источнике нравственного чувства у человека. В его рассуждениях появляется всеобъемлющая и вечная категория — добродетель, «дщерь небес». Она царствует среди «разных народов» и не может истребиться вовек. «Уставами» добродетели должен руководствоваться человек в своей жизни («О силе добродетели», с. 255–257; «О добродетели», с. 299–300). Люди ищут благополучия в земных утехах, Херасков предлагает им иное: преодоление страстей и желаний. Высшая степень благополучия, по его мнению, — возможность ощущать себя счастливым и в несчастьи.

Позднее в идеологии масонства появился символ креста, как испытания, которое достойно, не ропща, должен нести человек в своей земной жизни. В связи с этим возник особый интерес к фигуре «великого крестоносца», библейского бунтующего страдальца Иова, в котором масоны видели именно страдальца, а не бунтаря. Мысль о необходимости терпения, подавления воли в себе много раз будет повторяться в письмах Н. И. Новикова. Своим адресатам он давал советы в духе сатирических лечебников: «терпение, покорность, постоянство, долготерпение, преломление собственной воли и проч., и проч., все смешав, употреблять по утрам и вечеру по столовой ложке».²²

Свой следующий поэтический сборник, опубликованный в 1769 году, Херасков назвал «Философические оды или песни», тем самым подчеркнув важность их содержания. В этом сборнике в полной мере проявился «яд просвещения» — «новая привычка к умственной работе», работе «отвлеченного мышления».²³

В познании человека и мирового порядка Херасков придавал особое значение поэтическому творчеству. Он полагал, что истинный поэт, разум которого «чист» и «светел», чье сердце ощущает людские страсти и кто способен точно изобразить «их силу и движенье, болезнь, изнеможенье», такой поэт способен «проникнуть» и «связи всей природы» («О важности стихотворства», с. 266). Таким образом, поэзия, по мнению Хераскова, могла преодолеть трудности в изложении «собственной науки человека» — нравоучения. О большом значении нравоучения для отдельной личности и общества в целом и о сложностях в его истолковании говорилось в ма-

²² Новиков Н. И. Письма. СПб., 1994. С. 53, 109, 136.

²³ Семека А. В. Русское масонство в XVIII в. // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1914. С. 135.

териалах Энциклопедии, перевод которых был предпринят в 1767 году под руководством Хераскова и с его участием (он перевел главы о словесных науках и магии). В главе «Нравоучение» (переводчик С. В. Нарышкин) отмечалось, что для преподавания нравов нет зрительных примеров — «начертаний, кои бы точно глазам нашим представляли понятия нравоучительные, а есть только для изъяснения их одни речения». Нравоучительные понятия более сложны, чем те, которые употребляются «в науках математических» и, кроме того, их восприятию «противится» человеческое корыстолюбие. В Энциклопедии отмечалось, что «не достает <...> сочинения философического на согласование нравоучения Евангельского со просвещением прямого разума, и по пунктам доказывалось безусловное превосходство нравоучения над христианской верой. Во-первых, можно делать добро с нравоучением без веры, во-вторых, нравоучение „успокаивает разум, усмиряет страсти и подает блаженство каждому человеку“. В-третьих, „правило нравоучения гораздо известнее правила веры, ибо все просвещенные народы в главных положениях нравоучения согласуются, а в вере весьма разнствуют“. В-четвертых, неверие „менее вредно, нежели порок“. Так как „без веры добродетельный человек спастись может, особливо будучи в большом непросвещении; но порочному человеку с верою нет спасения“. И наконец, пятое: „вера, если не все, то главное свое достоинство занимает от соединения с нею нравоучения“».²⁴

В «Философических одах» Хераскова еще в большей мере, чем в его первом сборнике, настойчиво повторяются одни и те же темы. Оды, а также некоторые стихотворения, опубликованные в периодических изданиях, взаимно дополняют друг друга и дают достаточно полное представление о восприятии Херасковым основных философских категорий: времени, пространства, природы, человека.

Масонская идеология возводила практическую этику в разряд философии. В 1762 году А. В. Нарышкин, сетуя на упадок нравственности в обществе, писал:

...Общей матери наукам,
Матери разсудка здрава,
Философии священной
Мы вослед идти не тщимся
И ее правдивым светом
Мы не тщимся освещаться,
И ее нелестным духом
Мы стыдимся исправляться
Для блаженной в свете жизни.
О отцы! Своих детей <...>
Вы старайтесь обучати
В философии той части,
Той полезнейшей для смертных,
Нас котора заставляет
Прежде всех себя познати.²⁵

²⁴ Переводы из Энциклопедии. (М.), 1767. Ч. 3. С. 29–30, 40–41.

²⁵ Нарышкин А. В. Стихи анакреонтические // Полезное увеселение. 1762. Июнь. С. 272.

В центре внимания Хераскова — нравственная жизнь человека. Именно она определяет, по его мнению, содержание и смысл человеческой жизни. Подобно естествоиспытателю, который рассматривает и изучает внутреннее строение живого организма, Херасков пристально вглядывается во все составляющие человеческой души. В одах в соответствии с их названиями говорится о чести, терпении, гордости, умеренности, непостоянстве, беспечности, желаниях, лести, «спокойстве», суетности, ничтожности. В них также рассматриваются человеческие ценности, мнимые и истинные, — «злато», фортуна, знатная порода, красота, благополучие, добродетель. Выявляя закономерности в поведении человека, Херасков стремится к предельному обобщению. «Философические оды» Хераскова представляли собой краткое изложение учения о нравственности, выраженное в поэтической форме. Не случайно в VII том своих сочинений он включил их под названием «Нравоучительные оды».

Развивая тему Екклезиаста, Херасков показывает, что внутренняя потребность человека к гармонии с самим собой и окружающим миром не находит удовлетворения:

Во злате ищем мы спокойства,
Имев его, страдаем в век;
Коль чудного на свете свойства,
Коль странных мыслей человек!

(«Злато», с. 328).

Эту гармонию человек может увидеть в природе.

Поэзию Хераскова пронизывает натурфилософская концепция одухотворенной природы, восходящая к Возрождению и детально разработанная в Средневековье.²⁶

Всегда у нас перед очами
Отверзта книга Естества.
В ней пламенными словесами
Сияет мудрость Божества.

(«Чтение», с. 389).

Херасков использует уподобление мира книге, известное по сочинениям раннехристианских и средневековых авторов, а в русской поэзии по стихотворению Симеона Полоцкого «Мир есть книга».²⁷ Он считает, что для человека предпочтительнее наблюдение природы, чем «чтение без пользы многих книг». «Внимательный ум» заметит, что природа гармонична и все в ней взаимосвязано: роса поит травы, земля питает животных, ветер осушает влагу («Несогласие», с. 380–381). «Храм Природы» удивляет Хераскова своей «премудрой простотой». Он обращает свой взор на «цветок простой», рассматривает лист и «млечные в стебле токи», питающие его, ощущает приятный запах цветка. Растения питают, одевают, врачуют человека. Природа подарила пчелам «меда таинство» и скрыла

²⁶ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1972. С. 270.

²⁷ Папченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 178–179.

напитки в гроздьях винограда Она — «дщерь небесная» и «мать всех времен» Ее образ у Хераскова созвучен образу «Матери-природы» в «Опытах» Монтеня «Любезный сын природы» — человек — сотворен для ее утешения («Сельская муза», с 401–407) Но люди мешают существовать Природе в ее стройном порядке, они злодействуют друг другу Произошла подмена ценностей Человек создал себе нового идола Золото, этот «тленный бог земного круга / Дорожке стал отца и друга» («Несогласие», с 382) Бог видит это и готов снова «потопом шар земной покрыть», но, жалея красоты природы, удерживается от этого шага В наказание людям он посылает голод, беды, скорбь («Родство», с 340)

Утверждая, что люди «далеко удалились» от природы и лишили свою жизнь духовного содержания, Херасков использует библейскую метафору жизнь есть сон Люди «заснули во тьме на лоне суеты» и их сон может стать вечным сном Поэт призывает «Проснися, человек! Натуры чадо ты» («Сельская муза», с 412) Природа, по мнению Хераскова, дает человеку возможность забыть о суете, погрузиться в самого себя

Проснися, прах земной! Проснися,
Войди в себя ты, оглянися
И бедственной к себе любви
Дерзай, завесу разорви

(«Суета», с 319)

Читая «вечную книгу Природы» и видя ее «премудрость», человек должен стремиться «познать и чувствовать себя» («Чтение», с 391) В 1780-е годы эти мысли были сформулированы в «Теоретическом градусе Соломоновых наук» — сочинении, предназначенном для орденских занятий масонов «Тот есть философ, < > который всеми образы старается Бога, своего Творца, себя самого и натуру познавать и ея столь различные действия испытывать»²⁸

Воображение уносит Хераскова за пределы видимого мира и дает пищу для раздумий о месте человека в нем

Я некогда в зеленом поле
Под тению древес лежал
И мира суетность по воле
Во смутных мыслях вображал,
О жизни я помыслил тленной
И что мы значим во Вселенной

(«Ничтожность», с 386)

Херасков сравнивает несоизмеримые величины На фоне бесконечной Вселенной даже Земля мала, «как капля в океане вечном, / как бранный лист в густых лесах» В этих масштабах человек ничтожен, ведь «в мире сем его не видно» (с 387) «На что же все мы сотворенны, / когда не значим ничего?» — задается вопросом Херасков И вынужден признать, что не знает ответа «Такие тайны сокровенны / от разсужденья моего» (с 388)

²⁸ Семка А В Русское масонство в XVIII веке С 162

К этой теме Херасков снова обратился через несколько лет в оде «Мир» («Утренний свет», 1778, ч. II, с. 74), когда, увлеченный масонскими идеями, он почувствовал, что тайна Бытия приоткрылась ему. Вселенная уже не пугает Хераскова. Ее беспредельность он определяет библейским понятием «бездна», вошедшим в русскую поэзию благодаря М. В. Ломоносову. Вглядываясь в безграничное небо, он ощущает не растерянность, как Ломоносов («Теряюсь, мыслями утомлен»),²⁹ а удивление и восторг:

Отверзлась мне завеса мира!
В восторге дух, трепещет лира...
Молчу, дивлюся и пою.
О, коль видения любезны!
Звездами полны вижу бездны,
Средь тысячи миров стою. (С. 24).

Херасков описывает величественную Вселенную в привычных земных образах: «висят горящие лампы», «как риза небо протяженно». Единым взглядом объемлет он звезды, «солнца», «огромные миры» и Землю, на которой видит луга, поля, горы, океанские волны, разные народы. Но весь этот «прекрасный» и «дивный» мир — лишь оболочка «всеобщей души», «кора одна, в которой жизнь заключена». Мир во всех его проявлениях двуедин. Он содержит в себе «и жизнь и дух». Указывая на эту духовную субстанцию, Херасков пользуется поэтической метафорой света:

Во свете вижу скрытый свет.
Един из тел совокупленный,
Другой бесплотный и нетленный
И в мире мир другой живет. (С. 25).

«Бытие другое» скрыто и в человеке, «и там сияет Божество!» Вся Вселенная «совокупленна» в его чертах. Позднее Г. Р. Державин в оде «Бог» сформулировал эту мысль от 1-го лица: «Частица целой я вселенной», «я связь миров повсюду сущих».³⁰

Если безграничность Вселенной уже не пугает Хераскова, так как человек является ее центром, средоточием, и сама природа создана к его «подпоре», то бесконечность времени страшит своей равнодушной силой: «Противу Время обороны, / ни силы, ни защиты нет». Время нельзя изобразить в земных образах и сравнениях:

Представить в мыслях не умею.
Следов, ты коими текло.
Лишь Время вобразить успею —
Оно сокрылось, прошло.

(«Время». С. 414–415).

Человек, погруженный в «пространный круг веков», подобен пловцу, направляющемуся от одного «острова» — года к другому: «Прошел кто

²⁹ Русская литература. Век XVIII. Лирика. М., 1990. С. 95.

³⁰ Там же. С. 301.

берег раз, в другой его не тронет, / И век свой так плывет, пока он не потонет».³¹

В другом стихотворении Херасков прибегает к традиционному сравнению времени с потоками воды. Время — это «лиющая река», в которой «гибнут города и горы превысоки». Оно безжалостно к трудам человека и к самой памяти о нем:

Трудится человек и жизнь в трудах теряет;
Но время все дела людские пожирает.
Хоть в память мы свою прошедшее берем;
Но память та умрет и с нею мы умрем.

Бесполезно «возноситься» «имением» или «славою», гордиться «науками» или «счастьем»:

И титулы и умы удобно время стертъ,
Всех обща в свете часть: забвение и смерть.³²

Не всплыло ли в памяти Г. Р. Державина это стихотворение, когда он записывал на грифельной доске свою «Реку времен»? В восьми ее строках сохранились не только смысл и композиция пятистрочного стихотворения Хераскова, но также его ключевые слова и образы: «Река времен» — «лиющая река» у Хераскова, «дела людей» — «дела людские» у Хераскова, «царства» — «страны» у Хераскова, «пожрется» — «пожирает» у Хераскова, «звуки трубы» — «слава» у Хераскова, «общей не уйдет судьбы» — «всех обща в свете часть» у Хераскова.

Но есть еще одна непостижимая величина, которой подвластно и само время, — это вечность. Херасков в соответствии с христианской концепцией времени, сформулированной блаженным Августином,³³ разграничивает время событий, которое можно охватить разумом, и божественную вечность:

Но стой, о Время! На минуту
И гласу мирному внимли...
Твоя безмерна скоротечность
За нас тебе отмстить спешит:
Тебя, тебя поглотит Вечность,
Движения и крыл лишит.

(«Время», с. 415).

Человек, живущий на границе двух временных бездн, — прошедшего и будущего — не может осознать настоящее: «все, как молния, мелькает». Херасков пытается поймать, зафиксировать в сознании мгновения, из которых и складывается жизнь, но они ускользают от восприятия:

Где прошедшее девалось?
Все как сон, как сон прошло...
Будущего ожидаем.
Что сулит оно, не знаем;

³¹ Русская литература. Век XVIII. С. 198.

³² Там же. С. 199.

³³ Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. С. 103.

Будущее настает —
Где ж оно? Его уж нет!
(«Прошедшее»);³⁴

Размышления Хераскова близки наблюдениям Б. Паскаля. Его «Мысли» (1669) в XVIII веке несколько раз издавались во Франции и были хорошо известны в России. Паскаль писал: «Мы никогда не живем настоящим, все только предвкушаем будущее и торопим его, словно оно опаздывает, или призываем прошлое и стараемся его вернуть, словно оно ушло слишком рано. Мы так неразумны, что блуждаем во времени, нам не принадлежащем, пренебрегая тем единственным, которое нам дано, и так суетны, что мечтаем об исчезнувшем, забывая об единственном, которое существует <..>. Покопайтесь в своих мыслях, и вы найдете в них только прошлое и будущее <...>. Вот и получается, что мы никогда не живем, а лишь предполагаем жить и, уповая на счастье, так никогда его и не обретаем».³⁵ Многие мысли Паскаля, хорошо согласующиеся с масонской идеологией, были позднее развиты Н. И. Новиковым.³⁶ В 1779 году в его типографии в переводе Антона Тейльса было напечатано сочинение П.-Ж. Брийона «Подражание Феофрастовых Характеров и Паскалевых Мыслей», а в 1784 году — «Последование Характеров Феофрастовых и Мыслей Паскалевых» (переводчик Алексей Сергеев). Но эти издания были в большей степени действительно «подражанием» и «последованием», а не переводом.

Херасков ищет наиболее подходящие сравнения, чтобы сформулировать, что же являет собой «человек» в этом бесконечном временном и вселенном пространстве. Вольтер в переводе Екклесиаста сравнивал человека с атомом. В переложении Хераскова возникает сравнение человека с пылинкой — синоним библейского «праха»: «Пылинка человек и точка в мире сем» (с. 13). Те же сравнения употребляются в оде «Гордость»: «Пылинка ты едина в свете, / невидимая точка в нем» (с. 358). Херасков находит и другие определения человеку, составляя образный ряд:

Пылинка ты одушевлена,
Мечта при легком сне явлена,
Смешенье скорбей и сует,
Былинка, посеченный цвет.

(«Суета», с 318)

По мнению Паскаля, все достоинство человека и его преимущество перед растениями и животными состоит в способности мыслить. «Человек — всего лишь тростник, слабейшее из творений природы, но тростник мыслящий».³⁷ Для Хераскова важна «одушевленность» человека. Во всем прочем человек, по его мнению, равен траве или червяку: «Не вид от червяка нас тленный отличает, но то, что душу в нас бессмертие вен-

³⁴ Херасков М М Избранные произведения Л, 1961 (Библиотека поэта Большая серия) 2-е изд С 138–139

³⁵ Франсуа де Ларошфуко Максимы, Блез Паскаль Мысли Жан де Лабрюйер Характеристики М, 1974 С 148

³⁶ Стрельцова Г Я Паскаль и европейская культура М, 1994 С 294–299

³⁷ Франсуа де Ларошфуко и др С 169

чает». Через несколько лет Державин сформулировал эту мысль как провозглашение божественной природы человека : «Я царь — я раб — я червь — я бог!»³⁸ Херасков обращается и к традиционному сравнению человека и травы, но теперь оно служит выражением не краткости человеческой жизни, а его бессмертия:

Трава, как человек, рождается на свете:
Бывает в юности, бывает в лучшем цвете;
Ко старости она, равно как мы, придет,
Лишится сил своих, увянет и умрет...
Мне травка из земли всходящая являет,
Что Бог другую жизнь и мне приготовляет;
А в круге сем, где я поставлен от него,
Велит достойно быть творения Его.

(«Сельская муза», с. 401).

Гармоничная природа, одновременно умирающая и вечная, и в центре ее — бессмертный человек, цель которого — путем нравственного совершенствования уподобиться природе гармоничностью своей духовной жизни — таков идеальный образ мира в представлении Хераскова в 1760-е годы. Впоследствии масоны определили смысл человеческого бытия как нравственное возрождение и «обожение»: «Мы надежно утверждать можем, что назначение человека на земле сей есть не иное какое, как познавать самого себя и Натуру; а через сие — Творца и поступать сообразно познанию сему».³⁹ В споре о формах благочестия масоны выступали за оправдание верой. Только вера, по их мнению, может руководить добрыми поступками человека. Добрый поступок, совершенный насильственно, не освященный верой, лишен истинной добродетели.⁴⁰

К концу XVIII века мысль о главенстве нравственности для отдельно человека, взращенная в масонских кругах, приобрела социальное значение и преобразовалась в идею о нравственном просвещении всего общества как необходимом условии воспитания граждан. На торжественном собрании Московского университета 30 июня 1797 года профессор М. М. Снегирев произнес «Слово о пользе нравственного просвещения» (М., 1797), в котором высказал мнение, что нравственность сама по себе способна усовершенствовать общество: «Все науки, взятые в общей связи, не что иное суть, как усовершенствование человека, составляющее истинное его благополучие. <...> Итак, лучше, кажется, надобно стараться о том просвещении, какое доставляет нравоучение, нежели возноситься ученистю на идеальные высоты бесплодных умозрений».⁴¹ Большое внимание уделил нравственному воспитанию курсантов военных учебных заведений А. Ф. Бестужев в трактате «О воспитании» (Санкт-Петербургский журнал. 1798. Январь—декабрь).

³⁸ Русская литература XVIII века Лирика С. 301

³⁹ *Арсанухин С В* Философские взгляды русского масонства Екатеринбург, 1995 С 195

⁴⁰ Там же С 174–175

⁴¹ Антология педагогической мысли России XVIII в М, 1985 С. 364, 366

Херасков, ставший к этому времени одним из виднейших масонов, отказался от откровенно дидактического обращения к читателям и в своем художественном творчестве «перешел в область иносказаний, аллегорий, сюжетных новелл, вставляемых в рамы эпических произведений».⁴² Особой популярностью пользовалась у масонов его мистическая поэма «Владимир».⁴³

В XIX веке в русской поэзии в новых социально-исторических условиях вновь возникнет тема «взаимоотношений» природы и человека. Представления о «полном созвучии» в явлениях природы и о разладе человека с нею, об утрате «мыслящим тростником» чувства гармонии с миром и жажда этой гармонии определяют психологическую напряженность стихотворений Ф. И. Тютчева.

⁴² Западов А. В. Поэты XVIII века. А. Кантемир, А. Сумароков, В. Майков, М. Херасков. Литературные очерки. Изд. Моск. ун-та. 1984. С. 194.

⁴³ Розанов И. Н. М. М. Херасков // Масонство в его прошлом и настоящем. М., 1915. Т. II. С. 45.